
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/23-34

Научная статья

© *М. Н. Бахматова*

АНТРОПОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: СОЮЗ ВО ИМЯ ИСТИНЫ

«Всякая наука — плод совместного труда»

М. Мосс

В статье поднимается вопрос о корреляции подходов лингвистики и антропологии к изучению проблем этнокультурной идентичности. Отправным пунктом для рефлексии стала фраза американского лингвиста-структуралиста Чарлза Хоккетта «Лингвистика без антропологии бесплодна, антропология без лингвистики слепа». Рождение в начале XX в. структурной лингвистики и сближение ее эпистемологических подходов с естественнонаучными дисциплинами открыло дискуссию о правомерности применения подобных методов и в социокультурной антропологии. Вдохновившись идеями Пражского кружка в области фонологии, Клод Леви-Стросс стал основоположником структурной антропологии, сформулировав теорию структуры, как бессознательной системы взаимосвязанных элементов. Своего рода манифестом данного направления стал его доклад «Лингвистика и антропология» на конференции 1946 г., где представители двух дисциплин поставили вопрос о перспективах междисциплинарных связей. Исследования последних десятилетий показали, что ценность сотрудничества между лингвистами и антропологами заключается в их комплиментарности, в том, что они взаимно дополняют друг друга. На стыке двух эпистем сформировалась лингвистическая антропология, которой удастся сочетать количественные и качественные методы для изучения таких многогранных и неоднозначных проблем, как этническая, языковая и культурная идентичности в сложных обществах.

Ключевые слова: структура, структурализм, билингвизм, этническая идентичность, бессознательное, лингвистика, антропология, лингвистическая антропология

Ссылка при цитировании: Бахматова М. Н. Антропология и лингвистика: союз во имя истины // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 23–34.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/23-34

Original article

© Marina Bakhmatova

ANTHROPOLOGY AND LINGUISTICS: THE UNION FOR THE SAKE OF TRUTH

The article raises the question of how the approaches of linguistics and anthropology to the problems of ethnocultural identity are interrelated. The American structural linguist Charles Hockett once said: “linguistics without anthropology is fruitless, anthropology without linguistics is blind.” The birth of structural linguistics at the beginning of the 20th century and the convergence of its epistemological approaches with natural science opened a discussion about the legitimacy of using similar methods in socio-cultural anthropology. Inspired by the ideas of the Prague linguistic Circle about phonology, Claude Lévi-Strauss founded structural anthropology, having formulated the theory of structure as an unconscious system of interrelated elements. A kind of manifesto of this trend was the report of Claude Lévi-Strauss “Linguistics and Anthropology” at the 1946 conference, where representatives of the two disciplines raised the question of the prospects for interdisciplinary relations. Research in recent decades has shown that linguistics and anthropology complement each other and thus their collaboration can be very fruitful. Linguistic anthropology has emerged at the junction of two epistemes and combines quantitative and qualitative methods to study such multifaceted and ambiguous issues as ethnic, linguistic and cultural identities in complex societies.

Keywords: structure, structuralism, bilingualism, ethnic identity, the unconscious, linguistics, anthropology, linguistic anthropology

Author Info: Bakhmatova, Marina N. — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mbakhmatova@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0189-3050>

For citation: Bakhmatova, M. N. 2026. Anthropology and Linguistics: The Union for the Sake of Truth. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 23–34.

На протяжении последних десятилетий большую популярность среди лингвистических антропологов приобрела фраза известного американского лингвиста-структуралиста Чарльза Хоккетта «Лингвистика без антропологии бесплодна, антропология без лингвистики слепа»¹ (Hockett 1973: 675). Она кочует из издания в издание, превратившись, по сути, в крылатую фразу, которая даже не всегда сопровождается сноской. В устах лингвиста-структуралиста эта фраза звучит как сентенция, подводящая итоги долгому спору между представителями некогда родственных отраслей знания, расхождению которых способствовала эпистемологическая революция начала XX в., инициированная Фердинандом де Соссюром, отцом-основателем структурной лингвистики. Женевский ученый сорвал с языка флер таинственности, определив его

¹ “Linguistics without anthropology is sterile; anthropology without linguistics is blind”.

как одну из знаковых систем и положив тем самым начало такой дисциплине как семиология. В развитие интуиции Вильгельма фон Гумбольдта об «*ergon*» и «*energeia*» (Гумбольдт 1984), де Соссюр отделил язык от речи, что устранило методологическую путаницу между объективным и субъективным в изучении языковых явлений: в то время, как язык — это функция говорящего человека, не предполагающая предварительной рефлексии и пассивно регистрируемая говорящим субъектом, речь — это индивидуальный акт воли и понимания, который задействует целый комплекс субъективных факторов (физиологический, физический, психологический) (Де Соссюр 1999: 26). Онтологическая двойственность «язык-речь» логически приводит к гносеологической двойственности «эпистема-докса». Призыв изучать язык «в самом себе и для себя» отделял, в духе неокантианства, ноуменическую сущность языка, постигаемую математическими методами, от феноменологической, — представленной речью и, шире, речевыми практиками, — юдолью гуманитарного знания. Это фундаментальное положение приводит к формированию и других бинарных пар, таких как внутренняя и внешняя лингвистика, синхронический и диахронический аспект языка и т. д. Язык представляет собой сложную систему, где изменение одного элемента влечет за собой цепь последующих трансформаций, связанных со структурными особенностями данного языка. Взаимозависимость элементов столь закономерна, что может быть описана математическими методами. Смысл структурализма — в возможности изучения языковой реальности как абстрактной модели вне зависимости от субъекта, носителя языка. Вот почему со времен Фердинанда де Соссюра и его учеников лингвистика приблизилась по эпистемологическим подходам и целеполаганию к области естественнонаучного знания.

Между лингвистами, сделавшими ставку на количественные методы, и представителями гуманитарных наук начал углубляться методологический разрыв, грозивший превратиться в непреодолимую пропасть. Одним из первых забил в набат Клод Леви-Стросс (1908–2009), который в 1945 г. опубликовал текст своего доклада на междисциплинарной конференции, посвященной перспективам сотрудничества лингвистов и антропологов, который можно было бы назвать «Манифестом» структурализма. По образному выражению ученого, «лингвистике удалось прорубить окно между естественными и гуманитарными науками». И это вызывает у антропологов «массу зависти и немного грусти», побуждая найти точную методологию, которая бы позволила вывести антропологов из тупика конкретно-эмпирического знания (Леви-Стросс 2000: 144). Позже Леви-Стросс отмечал, что лингвистика «не является такой же социальной наукой, как другие, уже потому, что достигнутые ей успехи превосходят достижения остальных социальных наук» (Леви-Стросс 2008: 40).

В своем стремлении найти универсальную базовую единицу научного анализа в гуманитарных науках и отталкиваясь от концепта «бессознательных ментальных структур» в культуре, понимаемых в ключе Пражской фонологической школы (Леви-Стросс 2008: 39–41; Кокарева 2013: 89–97), К. Леви-Стросс выдвигает на первый план именно структуру, которую рассматривает как некую систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых влияет на все другие. Как для языка базовой структурной моделью является фонология (Lévi-Strauss 1945: 35), для социума таковой, по идее Леви-Стросса, является система родства и коммуникации. «Необходимо и достаточно, — пишет он, — прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального института или обычая, чтобы обрести принцип истолкова-

ния, действительный и для других институтов и обычаев» (*Леви-Стросс* 2008: 31). При этом ученый дает четкое определение структуре: «Прежде всего, структура есть некая система, состоящая из таких элементов, что изменение одного из этих элементов влечет за собой изменение всех других. Во-вторых, любая модель принадлежит группе преобразований, каждое из которых соответствует модели одного и того же типа, так что множество этих преобразований образует группу моделей. В-третьих, вышеуказанные свойства позволяют предусмотреть, каким образом будет реагировать модель на изменение одного из составляющих ее элементов. Наконец, модель должна быть построена таким образом, чтобы ее применение охватывало все наблюдаемые явления» (*Леви-Стросс* 2008: 289).

Не менее важным в структурализме является обращение к концепту «бессознательного». Заметим, что и здесь Леви-Стросс не был первооткрывателем. Это понятие встречается в работах многих ученых XIX — начала XX вв., начиная с В. фон Гумбольдта (*Humboldt* 1999: II–XXXIV) и заканчивая Ф. Боасом, который, в частности, обращал внимание на бессознательный характер всех актов лингвистического поведения. В 1911 г. он писал: «...категории языка лежат в области бессознательного и ... по этой причине процессы, ведущие к их формированию, прослеживаются без ложных и вводящих в заблуждение факторов, лежащих в основе косвенных толкований, так характерных для этнологии» (*Boas* 1967: 57). По сути, речь здесь идет об оппозициях «ноумен-феномен»/«эпистема-докса», которые Ф. Боас формулирует за четыре года до выхода в свет «Курса общей лингвистики» (1915), подготовленного учениками де Соссюра Ш. Балли и А. Сеше. Можно сказать, что «бессознательное» стало побочным продуктом утверждения позитивистской парадигмы, которой не удалось свести к единому научному знаменателю всю бесконечность человеческого бытия. Его можно было бы представить как разность множеств вещественных и рациональных чисел (*Zellini* 1993: 57–76). Это условное число «пи» вошло в самые разные отрасли гуманитарного знания, — в лингвистику, психологию, социологию.

Но вернемся к дихотомии языка и речи. Все-таки почему над лингвистическим поведением и речевыми практиками заносится бритва Оккама, которая безжалостно отделяет их от собственно языка? Не потому ли, что в отличие от совокупности звуковых различий, связанных с совокупностью различий понятийных, денотата и коннотата (*Герасименко* 2008: 116–119), они включают в себя не только вербальную коммуникацию и речевой акт, но и экстралингвистические факторы общения, — интонационный рисунок, язык тела (мимика, жесты, позы), различные формы бессознательной психической активности, личностные и групповые культурные установки, осознанное или неосознанное целеполагание акторов коммуникации? Вот почему для этнологов и социокультурных антропологов столь важным представляется де соссюровское определение языка как одной из знаковых систем, а также разделение, проведенное им между языком и речью. Исходя из того, что язык по объективным причинам не может существовать вне речевой деятельности человека, — которая, «взятая в целом» непознаваема в силу своей неоднородности, — изучение этой деятельности должно начинаться с исследования языка (*Де Соссюр* 1999: 27). Именно это и составляет тот фундамент, на котором строится сотрудничество между лингвистами и этнологами/антропологами. Оставляя первым изучение языка, рассматриваемого, — наподобие кантовского «ноумена», — «в самом себе и для себя» (*Де Соссюр* 1999: 231), коллеги по антропологическому цеху могут сосредоточиться

на «феноменах», — исследовании галактики речевых/языковых практик во всем их разнообразии в различных культурных контекстах, что, собственно, и является предметом лингвистической антропологии.

Через призму вербальной и невербальной коммуникации можно рассмотреть целый комплекс культурных и поведенческих моделей, свойственных людям. Важнейший аспект лингвистической антропологии представляет изучение языка и идентичности. Как отмечают М. Бухольц и К. Холл, интерес к лингвистическому воспроизведению культуры подразумевает интерес к разнообразию культурно обусловленных субъектных позиций, которые носители языка реализуют с помощью языка. Причем в круг интереса входит не только изучение речевых практик, но и исследование перформанса и ритуала, социализации и статуса языка и его носителей, которые создают и воспроизводят определённые идентичности с помощью языка (Bucholtz, Hall 2004: 369–394). Проблема идентичности в настоящее время занимает центральное место как в антропологии лингвистической, так и социокультурной. Причем данные дисциплины работают в тесной связке друг с другом, ведь среди множества символических ресурсов, доступных для культурного производства идентичности, язык является самым гибким и всеобъемлющим. Тот факт, что многие исследования идентичности в социально-культурной антропологии опираются на лингвистические данные, такие как истории из жизни, нарративы, интервью, юмор, устные традиции, практики грамотности, медиадискурсы и т. д. — свидетельствует о решающей, хотя зачастую и неосознанной роли языка в формировании культурной субъектности (Bucholtz, Hall 2004: 369–394). Как пишет Т. Эриксен, идентичность часто строится «... на различиях, которые становятся социально значимыми постольку, поскольку люди их выделяют. И даже если эти различия полностью или частично выдуманы, действуют также, как если бы на самом деле существовали» (Эриксен 2014: 104). Из этих слов выступает важная характеристика конструирования идентичности как символической связки «я–мир», заключающейся в соотношении актора с внешне-внутренним пространством своей самореализации, своего рода антропологический «dasein» (Хайдеггер 2003: 27–30). Если верно утверждение Т. Эриксена, что «без других мы не можем быть нами», а большинство социальных идентичностей строится по принципу «или–или» (Эриксен 2014: 109), весь процесс построения и трансформации индивидуальной и групповой идентичности являет собой нескончаемую череду нарративов, отмеченных императивностью и селективностью, ситуативностью и релятивностью, о которых в свое время писал Ф. Барт (Барт 2006: 9–48). Исходя из антропологической бинарности концепта идентичности $A=A/A\neq B$, значительное внимание уделяется изучению двух ключевых концепций — «одинаковости» и «различия», которые дополняют друг друга в понимании идентичности, трансформируясь в качественно иной онтический принцип (Хайдеггер 2003: 27–30), идущий вразрез третьему правилу формальной логики «tertium non datur» (Zellini 1993: 72). «Одинаковость» позволяет людям представлять себя как группу, «различие» создаёт социальную дистанцию между теми, кто считает себя непохожим на других. Онтическая по своей сути «даэин-идентичность» делает человека в сложном обществе неким двуликим Янусом, носителем ситуативно раскрываемых и раскрывающихся культурных «Я», что сопрягается с теорией «языковой личности» Ю. Н. Караулова (Караулов 2010). Однако даже вместе взятые эти концепции не могут в полной мере отразить иерархические отношения, в которые вплетены идентично-

сти. Ведь «одинаковость», «различие», «дазайн-идентичность» — это не объективные состояния, а феноменологические процессы, возникающие в результате многомерно выстроенного психо-социального взаимодействия между триадой «Чистое «Я» / Ноэзис / Ноэма» (Ego / Cogito / Cogitatum) (Гуссерль 2010: 69) и предполагаемо аналогичной триадой «другого». При этом фундаментальное значение приобретает тезис Ф. Барта о том, что «...существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия, но, напротив, нередко становится тем фундаментом, на котором возводятся все социальные системы. Взаимодействие в таких социальных системах не ведет к исчезновению той или иной группы в результате культурных изменений и аккультурации: культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям» (Барт 2006: 10). Принадлежность к определенной этнической группе в полиэтническом окружении может превратиться в культурную «стигму» или же маркер, составляющий костяк групповой принадлежности (Эйдхейм 2006: 49–71). При этом языковой фактор является базовым даже при его отсутствии. В этом плане показателен пример, приведенный В. А. Тишковым в коллективном труде «Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России». Приведем его целиком: «В 1990 г., после переписи населения СССР, во время пребывания в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе я беседовал с двумя местными взрослыми бурятами и спросил, какой язык они указали в качестве родного. Те удивленно ответили: «Конечно, бурятский, мы на нем немного говорим». «А что записали своим детям?» — спросил я. «Тоже бурятский, хотя они совсем не знают родной язык» (Язык и идентичность 2021: 26).

В свое время М. М. Бахтин выделял центробежные и центростремительные процессы в динамике языкового развития (Бахтин 1972: 167). Следуя его логике можно предположить, что при лингвистическом размывании территориально компактной группы могут сформироваться концентрические круги с плотным ядром на уровне моноязыковых носителей (обычно бабушек/прабабушек), признаваемых за эталоны культурной/языковой идентичности, и все более истонченными слоями потомков, принявших языковую ассимиляцию в более крупное и культурно престижное языковое сообщество, но сохранивших ностальгическую память об утраченном «граале» этнического ядра. Воспоминания об утерянных языковых связях как на индивидуальном, так и на коллективном уровне структурируются в миф о потерянных корнях и вечном возвращении в родовой этнический эдем. Этот миф циркулирует в рамках дискурсивных сообществ, границы которых невидимы, но хорошо ощутимы, — стоит задать триггерный вопрос или использовать маркированное слово. Автору нередко приходилось сталкиваться с данным явлением как в ходе полевой работы, так и в обычных жизненных обстоятельствах. Например, употребленное для красного словца в московской компании диалектное «пландовать», однажды стало маркером общих тамбовских корней с коллегой по антропологическому цеху, с которой после этого установились особо теплые отношения, окрашенные ностальгическими воспоминаниями об «утраченных» временах и местах. Вот почему, как отмечает, А. Дюранти, лингвистические антропологи, — в отличие от классических лингвистических структуралистов, — уделяют столь большое внимание основывающемуся на этнографических данных описанию языковых структур, которыми пользуются «реальные люди в реальном времени и пространстве». По определению итало-американского исследователя, «объектом лингвистической антропологии являются *говорящие люди*, выступающие в качестве

социальных акторов: они являются членами специфических сложных сообществ, каждое из которых состоит из большого числа социальных институтов и связано сетью чаяний, верований и моральных ценностей, относящихся к миру, которые переплетаются между собой, не подавляя друг друга» (Duranti 2002: 14).

Лингвистический антрополог, в отличие от других специалистов в области языкознания и социолингвистики, рассматривает язык как совокупность символических ресурсов и практик, являющихся неотъемлемой частью процесса формирования социальной ткани и индивидуальных представлений о мирах реальных или гипотетических. Этот эпистемологический подход, по мнению П. Бурдьё, дает возможность изучать большую палитру тем, например, таких как политика авторепрезентации и коммуникации, присущая потестарным структурам, методы выстраивания иерархий, практики по легитимизации власти (Bourdieu 1982: 23–58). А Дюранти отмечает, что методы лингвистической антропологии позволяют выявить культурные базы межэтнической неприязни и любых форм дискриминации, проследить процессы социализации и инкультурации, культурного конструирования личности или концепта self, а так же способы и формы контроля культурно обусловленных эмоциональных состояний человека, связь между ритуальным перформансом и формами социального контроля, обладание особым типом знания и опыта, художественный перформанс и управление формами культурного потребления, взаимодействие культур и социальные изменения (Duranti 2002: 15). Не случайно лингвистическая антропология является неотъемлемой частью т. н. «Боасовской тетрады», — наряду с археологией, культурной и физической антропологиями (Duranti 1997: 52), — без которой невозможно получение сколь-нибудь полного знания о явлениях человеческой культуры. Ведь язык, по своей сути, является суммой практик, посредством которых возможно установить связь между идеативным и материальным аспектами человеческого существования, обуславливая самые разные способы «бытия в мире», различные виды «дазайн». Теоретическим посылом дисциплины является положение о том, что слова обладают огромной важностью. Постулатом, основывающимся на эмпирическом опыте, является то, что языковые знаки понимаются как формы репрезентации реального мира. Более того, в отличие от невербальных форм, это крайне экономный способ коммуникации.

Как замечала С. Лангер, «речь не только стоит малых усилий, но она прежде всего не требует никакого средства, кроме голосового аппарата и слуховых органов, которые мы обычно имеем при себе как часть самих себя; таким образом, слова — это естественным образом доступные символы, к тому же очень экономичные» (Лангер 2000: 55). С. Лангер проводит разницу между знаком и символом, денотатом и коннотатом. Если, по ее определению, знак обозначает вещь, образуя пару в соотношении один к одному, символы представляют не сами объекты, а являются носителями определенной концепции об объектах. «Фундаментальное различие между знаками и символами — это различие ассоциаций и, следовательно, различие в их применении третьим участником функции значения — субъектом. Знаки *объявляют* ему о своих объектах, тогда как символы *заставляют его воспринимать* свои объекты» (Лангер 2000: 58). То, что одно и то же слово может служить и знаком, и символом, не стирает фундаментальной разницы между этими двумя функциями. Учитывая то, что символ — это орудие мысли, разница между микроязыками, социолектами, речевыми сообществами, этническими группами в полилингвальной среде проходит по зыбкой границе символического. Связка объект–знак–символ может иметь диаметрально противоположное значение в разных культурных,

региональных и временных контекстах даже в рамках одного и того же языка, что не всегда учитывается антропологом, проводящим исследование с позиции этик-подхода. Поясним это на примере итальянского языка. Как замечает Н. К. Гусева, «в современном итальянском языке на юге Италии и в некоторых центральных регионах до сих распространено этикетное местоимение *Voì*, в отличие от северных регионов Италии, где признаётся только одно этикетное местоимение — *Lei*» (Гусева 2019: 187–196). Столь же специфично и использование формы множественного числа этого местоимения. Употребление вежливого «*Lei*», что буквально означает «Она»¹, во множественном числе должно, по логике, иметь форму «*Logo*» (Они). Однако современным нормативным узусом является грамматический мезальянс «*Lei*» (Она)/«*Voì*» (Вы), распространенный на всей территории Италии, в то время как изысканное «*Logo*» остается уделом весьма узкого круга в основном пожилых людей (Migliorini 1957: 187–196). Очевидно, что форма аллокутивного местоимения в разговоре может послужить маркером как регионального происхождения собеседника, так и его возрастного класса. Другим маркирующим фактором является ритуальная форма приветствия при знакомстве. Если в подавляющем большинстве случаев в ответ на представление собеседник отвечает «*Riace*»/«*Molto riace*» (Приятно/Очень приятно), представители элитарных групп итальянцев употребляет «*Come sta?*» (Как дела?), что сразу переносит беседу в иной, более высокий регистр речи. В этой группе действуют свои негласные правила этикета, нарушение которых может наложить на вас культурную стигму и вызвать ироничный обмен взглядами между присутствующими. Например, в такой компании верхом невоспитанности считается желать приятного аппетита сотрапезникам, в то время как в других ситуациях действуют прямо противоположные правила. Имеет свою социокультурную специфику и использование глагола в давно прошедшем времени (*passato remoto*). Если на юге Италии эта парадигма несет функцию законченного прошедшего времени (*passato prossimo*), то жители северных регионов, в связи с малой распространенностью данной глагольной формы, в устной речи ее практически не используют. В беседе с одной моей итальянской информанткой, я услышала суждение о том, что тот, кто в обычном разговоре употребляет «*passato remoto*», «это или южанин, или высокообразованный человек». Интересно при этом отметить, что апеллатив «южанин» (“*terrone*”) в устах жителя севера Италии носит пейоративный оттенок, в то время как определение «высокообразованный человек» (“*uomo molto colto*”) наоборот, является признаком элитарности. В данной фразе, окрашенной легкой иронией, они были объединены в одну группу по принципу аномальности, что, как моментальный снимок показывает систему координат говорящей. Информантка, 1964 г. р., родилась на севере Италии, окончила педагогический колледж и занимается социальной адаптацией людей с ментальными нарушениями. Фраза, которую я зафиксировала в своем полевой дневнике, имела четкую социальную (наличие университетского диплома в Италии является признаком элитарности) и географическую (исходя из итальянской региональной дихотомии «Север–Юг») коннотацию. Герменевтика оценочных суждений требует глубокого эмического погружения в изучаемое речевое сообщество. Парадоксальным образом можно утверждать, что одной из эпистем лингвистической антропологии является ... докса, или интерпретативный подход с его техниками насыщенного описания (Geertz 1973).

Недаром П. Бурдьё отмечал, что анализ разговорных практик со стороны антропологов грешит нередко «ситуационными ошибками», т. к. общество отличается «он-

¹ Можно перевести как «Светлость».

тологической сложностью», которую не всегда удается уловить (*Bourdieu, Wacquant* 1992: 144). Лингвистические отношения, по мнению П. Бурдьё, — это всегда отношения символической власти, посредством которых отношения силы между говорящими и их соответствующими группами актуализируются в преобразённой форме. В отличие от установки структуралистов, с которой ученый не согласен, невозможно объяснить какой-либо акт коммуникации только с помощью лингвистического анализа, ибо даже самый простой языковой обмен включает в себя сложную и разветвлённую сеть исторических властных связей между говорящим, наделённым определённым социальным авторитетом, и аудиторией. Само содержание сообщения остаётся непонятным, пока не принимается во внимание вся структура властных отношений, которая присутствует, но не видна в процессе общения (*Bourdieu* 1982: 23–28). Как нам видится, властные корреляции являют собой лишь один из аспектов «онтологической сложности» речевых практик. Каждая реплика, как в игре зеркальных отражений, может получить целую гамму интерпретаций, достоверность которых доступна только человеку, глубоко погруженному в данный контекст. Мы не говорим уже о том, что адресатом сообщений может быть множественная и разнородная аудитория, которая, наподобие паутины, выстраивает индивидуальные каналы коммуникации с говорящим, способствуя конструированию параллельных, а иногда и прямо противоположных дискурсов, что позволяет говорить об их «полифоничности» (*Бахтин* 1975: 6–71).

Это объясняет, почему сотрудничество между лингвистами и антропологами является настоящим вызовом, ведь оно связано с различием в эпистемологических подходах к такой зыбкой материи как язык и речь. Используемые социолингвистами методы анкетирования, их количественная обработка, при всей научности данных методов, порой не выдерживает проверки качественным антропологическим исследованием, при проведении которого мы улавливаем игру слов, переливы значений и символов, видим выражение глаз нашего информанта, слышим вибрации его голоса, паузы, интонации, считываем язык тела, — одним словом, то, что дает нам возможность установить динамику отношений и социальную иерархию группы, в которой ведется исследование. Однако не стоит забывать и о слабых местах качественных методов, среди которых эффект трансферта и контртрансферта, когда фигура исследователя, в зависимости от гендера, возраста, этнической принадлежности, профессионального статуса и умения войти в поле вызывает реакцию со стороны информантов, нередко ставящую под вопрос валидность полученных результатов. Изучение речевых практик должно основываться на надежном базисе языка, с его закономерностями и внутренней логикой. Особенно это актуально при исследовании проблем билингвизма, смены кода, языковых переходов, динамики функционирования речевых сообществ.

Чарльз Хоккетт, разрабатывая проблемы языковых универсалий, выделяет целый ряд свойств, характерных для естественных языков. Среди них семантичность, открытость, перемещаемость, дискретность, уклончивость, рефлексивность, двойное членение, иерархичность, культурная преемственность... (*Хоккетт* 1970: 45–76) Этот неполный список показывает крайнюю гетерогенность сущностных характеристик человеческого языка, которая требует комплексного подхода и эпистемологической гибкости. Без широкой включенности в культурный контекст лингвистика превращается в набор формул, занимающийся производством знания ради знания. Без объективных данных лингвистики антропология погрязает в эмпирике, не располагая надежным инструментарием для выверки собранных в поле данных. Исследования последних десятилетий показали, что ценность сотрудничества между

лингвистами и антропологами заключается в их комплиментарности, в том, что они взаимно дополняют друг друга. На стыке двух эпистем сформировалась лингвистическая антропология, которой удастся сочетать количественные и качественные методы для изучения такого комплекса многогранных и неоднозначных проблем, как этническая, языковая и культурная идентичности в сложных обществах. Это подтверждает правильность тезиса Чарльза Хоккетта «лингвистика без антропологии бесплодна, антропология без лингвистики слепа» (Hockett 1973: 675).

Научная литература

- Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Сб. ст. / под ред Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Художественная литература», 1972. 167 с.
- Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 26–89.
- Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 146–174.
- Герасименко Е. И. Денотация и коннотация в структуре языкового знака // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2008. № 6. С. 116–119. <https://cyberleninka.ru/article/n/denotatsiya-i-konnotatsiya-v-strukture-yazykovogo-znaka>
- Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. Пер. Г. В. Рамишвили. М., 1984. С. 307–323.
- Гусева Н. К. Система аллокутивных местоимений и соответствующих им глагольных форм императивной парадигмы итальянского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2019. № 3. С. 187–196.
- Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
- Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 425 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
- Кокарева Е. А. Проблема соотношения языка и реальности в структурной антропологии К. Леви-Стросса. Анализ структурного метода в исследовании систем родства первобытных племен // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (16). С. 89–97.
- Кузнецов А. М. «История антропологии» Франца Боаса // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 96–108.
- Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства. Пер. с англ. С. П. Евтушенко. М.: Республика, 2000. 287 с.
- Леви-Стросс К. Лингвистика и антропология // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 3 (4). С. 142–152.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академ. Проект, 2008. 555 с.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 418 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
- Хоккетт Ч. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. С. 45–76.
- Эй Джейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Сб. ст. / под ред Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 49–71.
- Эриксен Т. Х. Что такое антропология? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 238 с.
- Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред.

- M. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.
- Boas F. Introduction // *Handbook of American Indian Languages*. Wash., 1911a. P. 1–83. (Repr. in: *Classics in linguistics*. New York, 1967. P. 155–234).
- Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris: Fayard, 1982. 239 p.
- Bourdieu P., Wacquant L. J. D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago, 1992. 332 p.
- Bucholtz M., Hall K. Language and Identity // *A Companion to Linguistic Anthropology* / ed. by A. Duranti. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 369–394.
- Duranti A. *Antropologia del linguaggio*. Milano: Meltemi, 2002. 336 p.
- Duranti A. *Linguistic Anthropology*. Cambridge University Press, 1997. 398 p.
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
- Hockett Ch. *Man's Place in Nature*. New York: McGraw-Hill, 1973. 739 p.
- Humboldt W. *On Language: On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 296 p.
- Lévi-Strauss C. L'Analyse Structurale en Linguistique et en Anthropologie // *WORD*. 1945. No 1: 1. P. 33–53 <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1945.11659244>
- Migliorini B. *Primordi del "lei"* // *Saggi linguistici*. Firenze: Le Monnier, 1957. P. 187–196.
- Zellini P. *Breve storia dell'infinito*. Milano: Adelphi, 1993. 261 p.

References

- Bakhtin, M. M. 1972. *Problemy poetiki F. M. Dostoevskogo* [Problems of F. M. Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 167 p.
- Bakhtin, M. M. 1975. Problema sodержaniia, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The Problem of Content, Material and Form in Verbal Artistic Creation]. In Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 26–89.
- Barth, F. 2006. Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], ed. by F. Barth. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 9–48.
- Boas, F. (1911) 1967. Introduction. In *Handbook of American Indian languages*. New York: Classics in linguistics. 155–234.
- Bourdieu, P. 1982. *Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques* [What Speaking Means. The Economics of Linguistic Exchange]. Paris: Fayard. 239 p.
- Bourdieu, P., and L. J. D. Wacquant. 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago. 332 p.
- Bucholtz, M., and K. Hall. 2004. Language and Identity. In *A Companion to Linguistic Anthropology*, ed. by A. Duranti. Oxford: Blackwell Publishing. 369–394.
- De Saussure, F. 1999. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 425 p.
- Duranti, A. 2002. *Antropologia del linguaggio* [Anthropology of Speech]. Milano: Meltemi. 336 p.
- Duranti, A. 1997. *Linguistic Anthropology*. Cambridge University Press. 398 p.
- Eidhaim, H. 2006. Kogda etnicheskaia identichnost' stanovitsia sotsial'nym stigmatom? [When Ethnic Identity is a Social Stigma]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences], ed. by F. Bart. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 49–71.
- Eriksen, Th. H. 2014. *Chto takoe antropologiya?* [What is Anthropology?]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. 238 p.
- Geertz, C. 1973. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books. 470 p.
- Gerasimenko, E. I. 2008. Denotatsiia i konnotatsiia v strukture yazykovogo znaka [Denotation and Connotation in the Structure of the Linguistic Sign]. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriia: Obshchestvennye nauki* 6: 116–119.

- Guseva, N. K. 2019. Sistema allokutivnykh mestoimenii i sootvetstvuiushchikh im glagol'nykh form imperativnoi paradigmy ital'ianskogo yazyka [The System of Allocative Pronouns and Corresponding Imperative Verb Forms in the Italian Language]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya* 3: 187–196.
- Heidegger, M. 2003. *Bytie i vremena* [Being and Time]. Kharkov: Folio. 503 p.
- Hockett, Ch. 1973. *Man's Place in Nature*. New York: McGraw-Hill. 739 p.
- Hockett, Ch. F. 1970. Problema yazykovykh universalii [The Problem of Linguistic Universals]. *Novoe v lingvistike* 5: 45–76.
- Humboldt, W. 1999. *On Language: On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.
- Humboldt, W. von. 1984. O razlichii stroeniia chelovecheskikh yazykov i ego vliianii na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda [On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species]. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. 307–323.
- Husserl, E. 2010. *Kartezianskie meditacii* [Cartesian Meditations]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 229 p.
- Karaulov, Yu. N. 2010. *Russkii yazyk i yazykovaia lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI. 264 p.
- Kokareva, E. A. 2013. Problema sootnosheniya yazyka i real'nosti v strukturnoj antropologii C. Lévi-Strauss. Analiz strukturnogo metoda v issledovanii sistem rodstva pervobytnykh plemen [Problem of Language and Reality Correlation in Structural Anthropology of K. Lévi-Strauss: Analysis of Structural Method in Research of Primitive Tribes' Systems of Relationship]. *Vestnik Permskogo universiteta* 4(16): 89–97.
- Kuznetsov, A. M. 2002. «Istorii antropologii» Frantsa Boasa [«The History of Anthropology» by Franz Boas]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 96–108.
- Langer, S. 2000. *Filosofia v novom kliuche: issledovanie simboliki razuma, rituala i iskusstva* [Philosophy in a New Key: A Study of the Symbolism of Reason, Rite, and Art]. Moscow: Respublika. 287 p.
- Lévi-Strauss, C. 2000. Lingvistika i antropologiya [Linguistics and Anthropology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* II. 3(4): 142–152.
- Lévi-Strauss, C. 2008. *Strukturnaia antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Akadem. Proekt. 555 p.
- Lévi-Strauss, C. 1945. L'Analyse Structurale en Linguistique et en Anthropologie [Structural Analysis in Linguistics and Anthropology]. *WORD* 1(1): 33–53. <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00437956.1945.11659244>
- Martynova, M. Y. (ed.). 2021. *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia]. Moscow: IEA RAS. 620 p.
- Mauss, M. 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow: KDU. 418 p.
- Migliorini, B. 1957. Primordi del “lei” [Origins of the “She”]. In *Saggi linguistici* [Linguistic Essays]. Firenze: Le Monnier. 187–196.
- Zellini, P. 1993. *Breve storia dell'infinito* [A Brief History of Infinity]. Milano: Adelphi. 261 p.